

Киндря Наталия Александровна

МИФОПОЭТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ КАРТИНЫ МИРА АРХАИЧНОГО ЧЕЛОВЕКА

В статье проводится анализ семантической и структурной общности языка и культуры, взаимодействия семантических структур и лексических моделей языка с ключевыми парадигмами культуры. Затронут вопрос создания комплексной семантической матрицы, которая объединяет и объясняет различные когнитивные процессы, лежащие в основе образования, моделирования и изменения значений исследуемых слов. В конечном итоге речь идет о выявлении определенной "картины мира", отраженной в сложных семантических и лингвокультурологических связях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/8-2/19.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 8 (22): в 2-х ч. Ч. II. С. 82-87. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

PHENOMENON OF PSEUDO-RELIGIOUS ORGANIZATIONS DESTRUCTIVENESS**Aleksandr Sergeevich Kvashennikov***Department of World Politics and International Law
Nizhnii Novgorod State University named after N. I. Lobachevskii
kvashennikovAS@volga.lukoil.com*

The author discusses the topical problematic questions of pseudo-religious organizations activity within the Russian Federation, considers the determinants that contribute to pseudo-religious organizations development, the danger of their influence on an individual, family and state, and substantiates the necessity to adopt the national measures of organizational and legislative nature in order to systematize the propagandistic activity of destructive pseudo-religious organizations within Russia.

Key words and phrases: pseudo-religious organization; human security; religion; sect; manipulation; influence.

УДК 008

Культурология

В статье проводится анализ семантической и структурной общности языка и культуры, взаимодействия семантических структур и лексических моделей языка с ключевыми парадигмами культуры. Затронут вопрос создания комплексной семантической матрицы, которая объединяет и объясняет различные когнитивные процессы, лежащие в основе образования, моделирования и изменения значений исследуемых слов. В конечном итоге речь идет о выявлении определенной «картины мира», отраженной в сложных семантических и лингвокультурологических связях.

Ключевые слова и фразы: мифопоэтическое мышление; мифологический образ; картина мира; образ мира; модель мира; архаичная культура; явление табу; язык.

Наталья Александровна Киндря, к. филол. н.*Кафедра иностранных языков**Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова
nkindrya@mail.ru***МИФОПОЭТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ
КАК ОТРАЖЕНИЕ КАРТИНЫ МИРА АРХАИЧНОГО ЧЕЛОВЕКА[©]**

Проблема «язык и культура» давно интересует лингвистов. Уже первые этимологические поиски античных грамматиков стимулировались идеей реконструкции истинного представления о слове, стремлением за каждым словом увидеть «первородный» образ предмета или явления, язык при таком подходе понимается не как безликая система знаков, а как духовная активность человека, тесно связанная с его миропониманием. Изучение символики, которую мы обнаруживаем в языке, мифологии, культуре и т.п., открывает исследователю доступ к человеческому сознанию.

Взаимодействие языка и культуры - рассматривается в двух аспектах. С одной стороны, язык анализируется как организующий стержень семиосферы культуры, а языковая семантика - как база семиотического языка культуры. С другой стороны, выявляется, как культура в условиях бесписьменного общества использует язык для хранения и трансляции информации, связанной с концептуализацией мира и социума.

Целью исследования стал вопрос взаимодействия семантических структур и лексических моделей языка с целью выявления семантического и структурного сходства языка и культуры. В связи с указанной проблемой в исследовании ставятся и решаются следующие задачи:

- раскрыть семантику и семиотические функции ключевых слов и символов культуры архаичного человека с широким привлечением сравнительно-исторических данных;
- сопоставить семантическую структуру слова и лексические модели языка с культурными парадигмами;
- реконструировать некоторые аспекты мифопоэтической картины мира и семиотического языка культуры архаичного человека.

Методологическая основа исследования определяется междисциплинарным характером исследования; обращение к такому сложному объекту, как язык и культура, потребовало соединить собственно лингвистический анализ с приемами и методами смежных дисциплин. Кроме того, в исследовании используется метод семантических параллелей. Речь идет о типологическом методе, в рамках которого при сопоставлении различных слов с одним и тем же значением в различных индоевропейских языках обнаруживаются аналогичные лексико-семасиологические преобразования (семантические векторы). Новым в методике этимологизирования в предлагаемом исследовании является использование *древней символики*. Древний символ, отражающий историю древней культуры и особенности древнего мышления, нередко может дать ключ

к решению сложнейших этимологических проблем: именно древний символ в ряде случаев выступает в качестве этимона наряду с индоевропейским корнем.

Также следует принимать во внимание то обстоятельство, что архаичный человек нередко соотносил одно и то же символическое обозначение с самыми различными предметами, аналогичным образом одно и то же ритуальное действие (операция) могло вызывать в его сознании ассоциацию с огромным кругом простых предметных действий и связанных с ними объектов. Отсюда в основу исследования был положен принцип так называемой множественной этимологии, в соответствии с которым допускается существование нескольких (иногда – значительного ряда) семасиологических связей в истории одного и того же значения. В эксплицитном виде теория множественной этимологии была разработана В. Н. Топоровым, который рассматривает отдельные этимологические решения как различные степени приближения к матрице этимологической относительности. Так называемые «одномерные» этимологии, то есть такие, которые допускают только одно этимологическое решение, отвергая все остальные, представляются в связи с этим неудовлетворительными [9].

Символика каждого анализируемого с культурно-этимологической точки зрения понятия должна быть пропущена через широкий языковой материал. С одной стороны, это помогает приблизиться к выявлению лексико-семасиологических универсалий, с большей достоверностью понять общие закономерности развития значений в индоевропейском языковом ареале как дополнение уже известных фонетических законов. С другой – это позволяет пересмотреть целый ряд этимологических интерпретаций отдельных индоевропейских слов.

Картина мира представляет собой субъективный образ-гештальт объективного мира и является идеальным образованием, способным опредмечиваться в знаковых формах различного вида, при этом полностью не запечатлеваясь ни в одной из них. Картина мира представляет собой глобальный образ мира, который репрезентирует свои свойства в том виде, в котором они осмысляются его носителями, и также является интеграцией всех моментов психической жизнедеятельности человека как представителя того или иного на той или иной ступени их эволюции. Таким образом, картина мира включает в себя субъективные и надсубъективные отношения.

Являясь недискретным образованием, картина мира существует в неформленном, нечетком и неотрефлексированном состоянии. Объективная картина мира основана на экспликации субъективных установок, целей и мотивов жизнедеятельности человека, регулятивных структур и смыслообразующих факторов.

Человеческое общество имеет право на существование в том случае, если людям присуще взаимопонимание и взаимопроникновение в духовные миры друг друга, в связи с этим необходима общая система миропредставления. Также следует учитывать, что количество картин мира определяется количеством ее наблюдателей, контактирующих с окружающей действительностью.

Надсубъективный компонент картины мира является идеальным образованием. Для передачи надсубъективного компонента картины мира необходимы как средство-посредник, так и общественная практика его использования, поскольку вследствие своей глобальности он не может транслироваться сам собой. В данном случае в роли такого посредника выступает модель мира. Модель мира описывается А. Я. Гуревичем как «сетка координат», посредством которой люди воспринимают действительность и формируют образ мира, существующий в их сознании [1, с. 15-16]. Следует отметить, что модель мира в каждой из культур определяется рядом взаимосвязанных универсальных понятий, таких, как пространство, время, причина, судьба, изменение, число: отношение частей к целому, чувственного к сверхчувственному и т.д.

Модель мира – это обобщенное отображение надсубъективного компонента картины мира в данной традиции, взятое в системном и операционном аспектах, и представляет собой ее знаковое выражение. При этом определение мира рассматривается во взаимодействии человека и среды или как результат переработки информации о среде и человеке, содержащейся в картине мира. Следует принять во внимание, что семиотические воплощения, порождаемые одной и той же способностью на основе одинаковых принципов построения, являются неоднородными (например: речь, вовлеченные в сакрализованные действия предметы, осмысленные особым образом типы поведения и т.д.). Наряду с этим модель мира осознается коллективом носителей этой картины мира или относится к области бессознательного (сравним, например, семантику естественного языка) [2, с. 7]. Известно, что модель мира рассматривается как знаковое выражение картины мира посредством собственной структуры. Данная структура репрезентируется и в иных знаковых образованиях, например, в языке. В связи с этим некоторыми учеными делается вывод, что свойством языка является «его организующая и упрочивающая роль в самом членении и восприятии мира, в активизации сознания на те или иные аспекты и детали действительности. Язык в значительной степени строится так, чтобы учесть и отразить объективно существующие общие черты различных предметов и явлений и чтобы обобщить человеческий опыт по выявлению сходств и различий, тождеств и нетождеств» [4, с. 170].

Таким образом, отражение реальной действительности в виде картины мира структурируется при помощи модели мира, которая в свою очередь репрезентируется и структурируется посредством семиотических систем второго порядка, в частности, языка. Следовательно, модель мира, выражающаяся при помощи языка, является лингвистической моделью мира. Поскольку лингвистическая реальность становится не онтологической реальностью, а только тем, что человек может выразить посредством языка, (существующие или несуществующие объекты и т.д.), следовательно, объектом становятся не только природные явления и артефакты и их природные отношения, но и интеллектуальные, прагматические и эмоциональные оценки и характеристики, являющиеся для идеальных моделей не менее реальными. Мифологическое мышление — это особый вид мироощущения,

специфическое, чувственное, образное представление о явлениях природы и общественной жизни, самая древняя форма общественного сознания. Оно представляет собой творение в воображении или с помощью воображения иной действительности — субъективной и иллюзорной, служащей не столько для объяснения, сколько для оправдания определенных установлений, для санкционирования определенного сознания и поведения. Диалектика мифа состоит именно в том, что человек как бы «растворяет» себя в природе, сливается с ней и овладевает силами природы лишь в воображении; вместе с тем это овладение силами природы означает начало истории «духа» и конец чисто живого бытия. Чувство единства с силами природы и овладения ими в воображении вселяет веру в осуществимость всего желаемого, укрепляет волю и сплачивает первобытный коллектив. Первобытный человек находился в постоянном страхе перед лицом того или иного действия, исходящего от него самого или влияющего на него извне. Именно поэтому он стремился выразить описательно те предметы, действия или качества, которые по тем или иным причинам были табуированы, а также персонифицировал те предметы и явления, которые были недоступны его сознанию. Человеческое мышление на наиболее ранних этапах его существования отождествляло все живое и неживое (анимизм), придавало огромное значение аналогии, оперировало разного рода магическими образами и символами. Особой магической силой обладало слово, которое могло как принести спасение, так и навлечь несчастье, болезнь, испортить охоту, помешать пахоте или получению хорошего урожая. Интеллект первобытного человека оперирует сознательно создаваемыми иллюзиями, риторическими фигурами, метафорами [7, с. 15]. Как отмечал Ф. Ницше, язык состоит исключительно из метафор, постоянное создание которых является основополагающим инстинктом человека, хотя он и не осознает метафорический характер своего языка [8]. Язык — это своеобразное кладбище метафор: слово, некогда бывшее метафорой, со временем может утратить свои явно метафорические свойства, но затем снова подвергнуться метафорическим преобразованиям, которые нередко несходны с первоначальными. В ходе своей практической деятельности люди имеют дело не непосредственно с окружающим их миром, а с репрезентациями мира, с когнитивными картинками и моделями. Представление о мире — это его осмысление, интерпретация. Мир и окружающую действительность человек воспринимает сквозь призму его культуры и посредством языка в частности; именно метафора является своеобразной «картинкой мира», неодинаковой у носителей различных культур или одной и той же культуры в отдельные исторические периоды. По своему происхождению каждая метафора является, в сущности, маленьким мифом [7, с. 15-16].

Мифологическое мышление не отличает часть от целого, вещь от свойства, общего от частного. Специфика мифологического мышления в том, что отождествление изоморфных единиц происходит на уровне самих объектов, а не на уровне имен. Соответственно, мифологическое отождествление предполагает трансформацию объекта, которая происходит в конкретном пространстве и времени. Логическое же мышление оперирует словами, обладающими относительной самостоятельностью вне времени и пространства. Мифологические представления могли быть только образными и ничем иным, потому что «образ» есть зрительный «внешний вид», зрительная «наружная сторона» предмета. Пространственные, ограниченные внешней зрительной данностью, однократные и неподвижные представления порождали «образы», в которых при всей их суммарности не содержалось ни доли обобщения. Мифологический образ представляет собой отложение пространственно-чувственных восприятий, которые выливаются в форму некой конкретной предметности. Это вовсе не значит, что он «стоит в глазах» или «воспроизводится зрительной памятью», или что он «картинен», или «отличается живостью». Мифотворческий образ — это производное именно мифотворческого мышления со всеми законами мифотворческого восприятия пространства, времени и причины, с его слитностью субъекта и объекта [Там же, с. 17].

Следует отметить, что истоки индоевропейской семантики восходят к так называемому Главному Мифу, согласно которому первоначально в Мироздании царил Хаос (символ Зла). Божество, появившееся из пустоты, разорвало Хаос и затем соединило все разорванное, в результате чего был создан Космос, Божественный Порядок. Отсюда выводится первичная семантическая диада индоевропейских языков — «разрывать, расщепить»/«соединять»; «сжатие»/«разжатие»; «мужское»/«женское». Как отмечает М. Евзлин, «первый космогонический акт есть акт насилия... С разрыванием божественного существа соотносится раскалывание (“пробивание”) скалы, из которой изливается вода жизни... Камень смерти и вода жизни размещаются на противоположных онтологических полюсах, однако условием появления воды является раскалывание “камня”, и поэтому “камень” можно было бы определить как “твердую воду”» [2, с. 215]. Указанная диада, отражающая единство противоположностей, легла в основу большинства значений в индоевропейских языках [5, с. 334-375]. Сравним диаду *йин-янь* в китайском языке, которая, согласно поверьям, явилась отправным пунктом сотворения Мироздания.

Согласно древним представлениям, пространственное положение того или иного живого существа или предмета определяло его качественную характеристику. Середина — местонахождение Божества, предметы, люди, животные, расположенные справа от середины, считались святыми, положение слева означало злую силу, Преисподнюю. При этом понятие «правый» нередко табуировалось понятием «левый», а понятие «левый» — понятием «правый». Сравним греческий *ἀριστερός* - «левый», но персидский *araitu, arastah* - «ласточка»; бретонский *labous* - «птица», но латышский *labs* - «правый»; готский *hleiduma*, корнийский *cleth*, но древнеанглийский *glida* - «Weiһ», древнеиндийский *grdhra* - «vulture»; латинский *dexter*, готский *taihswa*, древнеиндийский *daksina* - «правый», но греческий *δαξος, δαξис* - «птица», английский диалектный *daker* - «а cogn-stake» (название птицы); литовский *kairias* - «левый», но древнеиндийский *hari* - «змея»; сравним, однако, ирландский *caira* - «овца», древнеиндийский *ćari* - «животное»; древнеиндийский *vāma* - «левый», но

древне-индийский *vamri* - «муравей»; древне-северный *hoger* - «правый» (сравним древне-северный *hagi* - «огороженное место, поляна»), но английский *haggard* - «сокол»; древне-английский *swið* - «правый», но готский *sauðr* - «овца»; тохарский A *çaly* - «левый», но древне-индийский *çailêya* - «пчела», персидский *zallah* - «пчела»; тохарский A *paci* - «правый», но английский диалектный *pad* - «лягушка»; русский *правый*, но болгарский *правда* - «скот»; тохарский A *saiwai* - «правый», но немецкий *Sau* - «свинья».

В связи с этим важно указать на широко распространенное в древних индоевропейских языках явление *энантиосемии*: слово называлось своим именем и одновременно антиименем (знак и антизнак). Сравним: латинский *altus* - «высокий», но также «глубокий»; ведийский *san* - «приобретать, получать в добычу», но также «дарить, отдавать, наделять»; ведийский *ari* - «набожный, благочестивый», но также «безбожный, безбожник, враг»; ведийский *van* - «просить, желать», но также «давать, доставлять»; индоевропейский **sek-* - «сушить», но также «мочить»; древне-английский *gréadan* - «двигаться», но немецкий диалектный *gröden* - «остановиться», украинский *рух* - «движение», но немецкий *Ruhe* - «покой»; древне-индийский *skand* означает как «подниматься», так и «опускаться»; русский диалект *адуть* имеет значение «копить, сберегать», но также «расходовать, чрезмерно тратить»; древне-северный *auðr* - «богатство», но древне-северный *auðn* - «пустота, пустыня»; немецкий *borgen* - «отдавать на сохранение, вручать, вверять», но также «заимствовать, брать в долг»; армянский *parapel* означает как «заниматься, работать», так и «не заниматься, быть без дела»; персидский *suchidan* - «ласкать, льстить», но также «мучить, досаждать»; персидский *feraz* - «открытый», но также «закрытый»; греческий *μῦθος* - «слово, речь», но латинский *mutus* - «немой»; древне-северный *hliod* - «звук», но древне-северный *hliodr* - «немой»; чешский *hluk* - «шум», но чешский *hluchy* - «глухой»; русский диалект (тамбовский) *гунеть* - «замолкнуть, затихнуть», но северо-русский диалект *гунить* - «говорить»; латышский *runēt* - «говорить», но гаэльский *rùine* - «молчание»; кимрский *sygeny* - «шептать», но гаэльский *sigh* - «молчание»; греческий *λαλέειν* - «говорить», но цыганский *laboro* - «немой»; готский *swiglon* - «свистеть, издавать звуки», но древне-саксонский *swigon* - «молчать»; индоевропейский **yeselos* - «cheerful, thriving», но также «poor, mean, stunted, wretched»; русский *чепсвый хлеб*, но чешский *čerstvý chléb* - «свежий хлеб»; немецкий диалект *sich summen* - «спешить», но немецкий *säumen* - «медлить», русский диалект *жадный* - «милый, дорогой»; средневерхненемецкий *zogen* - «спешить», но немецкий *zögern* - «медлить»; русский *холить*, но русский *хулить*; русский *вредный*, но сербско-хорватский *vredny* - «ловкий, проворный, умелый»; латинский *sacer* - «священный», но также «проклятый, мерзкий, отвратительный»; русский диалектный *туровить* - «спешить», но также «ждать» [12, с. 1-39].

В связи с тем, что явление табу наложило неизгладимый след на язык, следует отметить, что для мифопоэтического мышления характерно слияние и нечеткое разграничение знака и денотата, что повлекло за собой противоречия между кодовой и метакодовой функциями языка. Таким образом, языковая картина мира представляет собой объект, находящийся в состоянии стохастического равновесия; при этом становится очевидной столь высокая степень тропичности по сравнению с другими кодами мифопоэтической модели мира (изобразительным, предметным и др.). В отношении с мифопоэтической моделью мира язык описывается и как средство метакодирования для всех основных кодов мифопоэтической модели мира (сам характер языкового знака позволяет ему замещать любые предметы и знаки), и как код мифопоэтической модели мира, причем код, описывающий модель мира в ее тотальности. При функционировании одного и того же слова одновременно как единицы кода и метакода возникают условия для сложной комбинаторики в пределах семантики слова. Соотношение внешней формы с денотатом и сигнификатом в пределах одной и той же лексемы может быть неоднородным из-за результата несовпадения в определенной точке слова - как единицы кода, так и метакода. Семантика слова непредсказуема и может приобретать чрезвычайно гибкую, сложную и неожиданную конфигурацию. «Выраженный с помощью банальной лексики миф включается в общепринятую лингвистическую структуру... Миф, таким образом, реализуется как инструмент, который использует общепринятые лингвистические структуры и в процессе этой реализации подчиняется им для того, чтобы постоянно их взрывать» [5, с. 18]. Сравним также идеи О. М. Фрейденберг о сути античной тропики: «Без наличия семантических тождеств — без изучения мифологической семантики — мы никогда не могли бы установить самой своеобразной черты античной метафоры — возможности ее базирования в таких двух смыслах, которые равны, и различны» [11, с. 187-188]. При этом следует постоянно иметь в виду, что приведенное выше разделение проведено с целью анализа — в конечном итоге это один и тот же язык, равный самому себе. Однако в то же время его двоичность хорошо ощущалась в мифопоэтическую эпоху, ср. широко распространенную в различных мифологических традициях бинарную оппозицию «язык богов / язык людей».

Образ - это форма мифотворческого представления; то и другое есть биолого-социальный продукт, возникающий в результате взаимодействия высшей нервной деятельности и объективных социальных условий.

Мифологический образ является непосредственным выражением чувств и переживаний человека, его чаяний и волевых импульсов. При этом чувства преобладают над интеллектом, эмоции - над мыслью, волевые импульсы — над сознанием. Миф направлен на утверждение человеческих желаний и организацию коллективных действий, на внушение как чувства единства между членами коллектива, так и чувствами гармонии (сопричастности) с мировым Целым. Во время отправления языческого культа, наивысшего душевного напряжения (экзальтации), самоотречения возможности создания символов достигают апогея, возникает слияние человека с природой, которое неодолимо требует символического выражения как в звуках, так и в движениях, а затем и в музыке, в ритмике, в гармонии. Мифологический образ — это не просто «фантастическое», «извращенное» отображение или «превратное» моделирование (идеализирование) какого-либо явления природы или исторического события.

Слово — это семиотический знак, символ, семиотическая формула того или иного мифологического образа, который предстает перед нами только в слове. Мир (или различные миры) представляются человеку через призму его культуры, и, в частности, языка, являющегося неотъемлемым элементом культуры. Совершая какие-либо операции над словом или именем, мы, по мнению древних, воздействуем и на соответствующий предмет, подчиняя его своей воле. В связи с этим становится понятным смысл буквенной и словесной магии, стремление засекретить имена тех предметов, которые нужно обезопасить от враждебного воздействия (явление табу).

Первобытный человек вовсе не «ставил природе вопросы» и вовсе не «отвечал» на них. У первобытного человека преобладают зрительные впечатления. Он видит наружные, внешние предметы. Воспринимая их, он воспроизводит их заново, произвольно перекомбинируя их отдельные элементы, изменяя одну черту за другой, смещая масштабы, связывая их новыми увязками, давая им новое содержание. Однако в отличие от, скажем, сновидения восприятия первобытного человека, как бы они формально ни были связаны со зрительной предметностью, организуются специфически закономерно его мифотворческим мышлением. Они располагаются антикаузально и наполняются своеобразным содержанием, диктуемым особыми способами мироощущения в отношении пространства, причины, времени и т.д. Мир, видимый первобытным человеком, заново создается его субъективным сознанием как второе самостоятельное объективное бытие, которое отныне начинает противоречиво жить рядом с реальной, не замечаемой сознанием действительностью [7, с. 18].

Два основных закона характеризуют первобытное мышление в его целом, в том числе и систему образа. Первый — это отсутствие причинно-следственного ряда. Первобытная причинность может быть названа антикаузальной. Одна мысль повторяет другую, один образ вариантен другому; различие их форм создает кажущееся разнообразие. Второй закон — симбиоз прошедшего с настоящим. Поступательное движение вперед первобытной культуры опирается на все изжитое и пройденное, которое становится непреодоленным в наличии нового, актуального. Тут нет места борьбе старого и нового. Борьба старого и нового — далеко не всеобщий закон. В пределах такого наличия старого в новом можно говорить и о «стадиальности». Так, например, при возникновении новых земледельческих представлений о боге-хлебе представление о боге-звере не исчезает. Бог-хлеб остается и богом-зверем. Это дает возможность говорить о «стадиальном» изменении образов. В симбиозе старого с новым не следует видеть рутины. Речь идет о закономерном состоянии примитивного сознания, которое еще не умеет преодолевать пройденного [Там же].

Анализ мифов есть средство выявления первичных структур сознания. Кажущаяся алогичность, произвольность мифологической фантазии, надо полагать, объясняется именно тем, что осмысление и обобщение явления мира происходит в мифе по семантическим эмоционально ассоциативным рядам. Представления организуют восприятия, но не наоборот. Ощущения воспринимаются посредством представлений. Так, если бы не было тотемизма, голод не воспринимался бы как отсутствие тотема. О. М. Фрейденберг пишет, что тотемистические представления сложились в результате чувственных сигналов, которые шли к примитивному мозгу; что тут играют роль биологический фактор одновременно с социальным, и что один обуславливает другой. Когда же под влиянием низкого биологического и социального уровня мысль человека вырабатывает тотемистические представления — пока этот уровень существует, дальнейшие ощущения вызывают только определенные восприятия, предреканные системой представления.

Итак, мышление архаического человека было допонятийным, наглядно-образным, а не понятийным, пусть даже разной степени абстракции. Языческий символ может охватывать широкий круг значений, которые, отражая языческую картину мира, тесно связаны между собой и образуют своеобразную матрицу или парадигму символов. Каждое значение древнего слова являлось не только символом, но и кодом (код времени и пространства, код Вселенной, код опасности, код тотема, код Бога, код неба и др.), причем каждый символ виртуально содержит в себе несколько кодов, определяющих алгоритм развертывания символа (парадигма, матрица символа) как количественно, так и качественно. Вместе с тем в связи с действием в языке факторов культуры (табу) в древнем обществе отдельные коды обладали способностью накладывать запрет на тот или иной участок парадигмы символов, выступая как в роли катализаторов, так и в роли импульсов сдерживания. При этом отдельные члены парадигмы символов могли сами становиться исходным звеном других парадигм. В пределах слова взаимодействуют два кода — код формы слова и код значения слова, в результате чего как вектор семантического развития, так и вектор изменения формы слова могут взаимодействовать между собой. Отметим, что тотем мог на письме изображаться буквой или несколькими буквами, стоящими в правой («божественной») стороне слова в отличие от преформантов, которые ставились в левой стороне слова (левая сторона — символ зла) [6].

В контексте данного исследования под понятием понимается «мысль, отражающаяся в форме предмета и явления действительности, и связи между ними посредством фиксации общих и специфических признаков, в качестве которых выступают свойства предметов и явлений и отношений между ними» [10, с. 513]. Под представлением понимается «образ ранее воспринятого предмета или явления (представление памяти, воспоминание), а также образ, созданный продуктивным воображением; форма чувственного отражения в виде наглядно-образного знания» [Там же, с. 506]. Соответственно мы считаем, что значение слова может соотноситься не только с понятием, как это обычно рассматривается в лингвистической литературе, но и непосредственно с представлением. При мифопоэтическом мышлении понятие еще не выделяется из представления и не обособлено от него; параллельно с понятием оно соотносится со значением в языке поэзии, порождая тем самым сложную семантическую конфигурацию значений, выражаемую художественными тропами.

Список литературы

1. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 349 с.
2. Евзлин М. Космогония и ритуал. М.: Радикс, 1993. 344 с.
3. Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М.: Наука, 1965. 246 с.
4. Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 141-172.
5. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М.: Владос, 1996. 415 с.
6. Маковский М. М. Феномен табу в традициях и в языке индоевропейцев. М.: Владос, 2000. 268 с.
7. Маковский М. М. Язык – миф – культура: символы жизни и жизнь символов. М.: Высшая школа, 1996. 329 с.
8. Ницше Ф. Соч.: в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. 702 с.
9. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследование в области мифопоэтического. М.: Прогресс-Культура, 1995. 621 с.
10. **Философский энциклопедический словарь** / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев и др. М.: Советская энциклопедия, 1983. 836 с.
11. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М.: Восточная литература, 1998. 798 с.
12. Шерцль В. И. О словах с противоположными значениями, или О так называемой энантиосемии // Филологические записки. Воронеж, 1883. Вып. V–VI. С. 1–39.

MYTHOPOETIC THINKING AS REFLECTION OF ARCHAIC MAN'S WORLDVIEW

Nataliya Aleksandrovna Kindrya, Ph. D. in Philology
Department of Foreign Languages
First Moscow State Medical University named after I. M. Sechenov
nkindrya@mail.ru

The author analyzes the semantic and structural generality of language and culture, the interaction of the semantic structures and lexical models of language with the key paradigms of culture, considers the question of complex semantic matrix creation that unites and explains various cognitive processes underlying the formation, modeling, and change of the studied words meanings, and finally tells about the identification of the certain "worldview" as reflected in complex semantic and linguo-cultural connections.

Key words and phrases: mythopoetic thinking; mythological image; worldview; image of the world; model of the world; archaic culture; phenomenon of taboo; language.

УДК 327.7(=511.1)

Исторические науки и археология

Статья посвящена истории становления и развития сотрудничества финно-угорских народов России и зарубежья в конце XX – начале XXI в. В работе анализируются результаты всех пяти состоявшихся на данный момент Всемирных конгрессов финно-угорских народов. Авторы выделяют основные достижения в развитии международного финно-угорского сотрудничества, а также отмечают причины нерешенных проблем.

Ключевые слова и фразы: финно-угорские народы; финно-угорский мир; этнос; суперэтнос; нация; национальное движение; финно-угроведение; Всемирный конгресс финно-угорских народов.

Василий Филиппович Кирдяшов, к. филос. н.
Станислав Александрович Мальченков, к.и.н.
Кафедра регионоведения и политологии
Мордовский государственный университет
stamal@yandex.ru

**ВСЕМИРНЫЕ КОНГРЕССЫ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ
В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО «ФИННО-УГОРСКОГО МИРА»[©]**

Издание статьи осуществлено при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках госзадания Проект 6.1842.2011 «Финно-угорские народы России: опыт системного анализа».

Политические системы республик с титульным финно-угорским населением сложились в начале 90-х годов прошлого века. Однако нельзя говорить о том, что выстраивание четкой вертикали власти является единственным достаточным условием для полноценного выражения интересов народа в политической сфере.